

Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2021. № 4 (16).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 4 (16), 2021.

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Обзор / Summary

УДК 821.161.1.0+069

ББК 84 (2 Рос=Рус)+79

<https://doi.org/10.22455/2619-0311-2021-4-220-261>

© 2021. *Татьяна Касаткина*

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия

© 2021. *Юлия Юхнович*

*филиал Новгородского государственного объединенного музея-заповедника
«Дом-музей Ф.М. Достоевского», Старая Русса, Россия*

**Круглый стол,
посвященный обсуждению экспозиции
Музея романа «Братья Карамазовы» в Старой Руссе,
прошедший 24 мая 2021 года
в рамках XXXVI Международных Старорусских чтений
«Достоевский и современность»
под названием «Роман “Братья Карамазовы” в XXI веке:
интерпретации, созвучия, сопоставления»**

© 2021. *Tatiana A. Kasatkina*

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Science, Moscow, Russia

© 2021. *Yulia V. Yukhnovich*

*Branch of the Novgorod State Museum “F.M. Dostoevsky Memorial House-Museum”,
Staraya Russa, Russia*

**Round Table,
Devoted to the Discussion of the Museum Exposition
on the Novel *The Brothers Karamazov* in Staraya Russa,
Held on May 24th, 2021
during the 36th International Readings in Staraya Russa
“Dostoevsky and Contemporary Age”,
titled “The Novel *The Brothers Karamazov* in the 21st Century:
Interpretations, Resonances, Comparisons”**

Информация о публикаторах:

Татьяна Александровна Касаткина, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, зав. научно-исследовательским центром «Ф.М. Достоевский и мировая культура», Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

<https://orcid.org/0000-0002-0875-067X>

E-mail: t-kasatkina@yandex.ru

Юлия Вячеславовна Юхнович, кандидат филологических наук, заведующая, филиал Новгородского государственного объединенного музея-заповедника «Дом-музей Ф.М. Достоевского», наб. Достоевского, д. 8, 175200 г. Старая Русса, Россия.

E-mail: yulyayu@list.ru

Аннотация: в публикации представлена запись круглого стола «Роман “Братья Карамазовы” в XXI веке: интерпретации, созвучия, сопоставления», посвященного обсуждению экспозиции Музея романа «Братья Карамазовы» в Старой Руссе, прошедшего 24 мая 2021 года в рамках XXXVI Международных Старорусских чтений «Достоевский и современность».

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, музейная экспозиция, музей романа «Братья Карамазовы» в Старой Руссе.

Для цитирования: Круглый стол, посвященный обсуждению экспозиции Музея романа «Братья Карамазовы» в Старой Руссе, прошедший 24 мая 2021 года в рамках XXXVI Международных Старорусских чтений «Достоевский и современность» под названием «Роман “Братья Карамазовы” в XXI веке: интерпретации, созвучия, сопоставления» / публикаторы Касаткина Т.А., Юхнович Ю.В. // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2021. № 4(16). С. 220–261. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2021-4-220-261>

Information about the publishers:

Tatiana A. Kasatkina, DSc in Philology, Director of Research, Head of the Centre “Dostoevsky and World Culture”, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

<https://orcid.org/0000-0002-0875-067X>

E-mail: t-kasatkina@yandex.ru

Yulia V. Yukhnovich, PhD in Philology, Director, Branch of the Novgorod State Museum “F.M. Dostoevsky Memorial House-Museum”, Dostoevsky Emb. 8, 175200 Staraya Russa, Russia.

E-mail: yulyayu@list.ru

Abstract: The publication contains the record of the round table discussion “The Novel *The Brothers Karamazov* in the 21st Century: Interpretations, Resonances, Comparisons”, focused on the discussion of the Museum exposition dedicated to the novel *The Brothers Karamazov* in Staraya Russa, which took place on May 24th, 2021, in the framework of the 36th International Dostoevsky Readings “Dostoevsky and Contemporary Age”.

Keywords: F.M. Dostoevsky, Museum Exposition, Museum *The Brothers Karamazov* in Staraya Russa.

For citation: Kasatkina, T.A., and Yukhnovich, Yu.V., publ. “Round Table, Devoted to the Discussion of the Museum Exposition on the Novel *The Brothers Karamazov* in Staraya Russa, Held on May 24th, 2021 during the 36th International Readings in Staraya Russa ‘Dostoevsky and Contemporary Age’, Titled ‘The Novel *The Brothers Karamazov* in the 21st Century: Interpretations, Resonances, Comparisons’”. *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 4 (16), 2021, pp. 220-261. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2021-4-220-261>

Музей романа «Братья Карамазовы» расположен в одном из исторических районов Старой Руссы, на набережной реки Перерытицы, в старинном двухэтажном особняке первой трети XIX века. В 1880–1890 годах дом принадлежал старорусскому купцу Н.Т. Беклемишевскому. В 1900 году был приобретен полковником К.П. Фаворским, после чего перешел во владение его жены Елены Николаевны. В 1912 году особняк находился в собственности лужского мещанина Е.В. Лебедева, затем, в 1917 году, был продан крестьянам деревни Шалыжино Старорусского уезда Петру и Алексею Павловым. С 1918 года в здании размещалась биржа труда, затем Дом малютки. Во время Великой Отечественной войны дом существенно пострадал, но уже к 1945 году был полностью восстановлен. После войны в нем находился детский сад.

В 1985 году особняк перешел в ведомство Новгородского государственного объединенного музея-заповедника. Именно тогда возникла идея о создании экспозиции, посвященной роману «Братья Карамазовы». По замыслу разработчиков, музей должен был представить идейно-художественное содержание знаменитого произведения Достоевского, рассказать об истории его создания, персонажах и, по возможности, дать развернутую характеристику историко-культурной и общественно-политической среды 70–80-х годов XIX века. Для решения этих задач предлагалось раскрыть несколько тематических блоков: «История создания романа «Братья Карамазовы» и отражение в нем старорусских реалий, «История одной семейки, или “карамазовский бунт”», «Женские образы в контексте судьбы и творчества Ф.М. Достоевского», «Тема детства в романе “Братья Карамазовы”», «Достоевский и православие». Согласно тематико-экспозиционному плану, для создания экспозиции предполагалось использование экспонатов фонда филиала «Дом-музей Ф.М. Достоевского в Старой Руссе»: книги, предметы быта, мебель, старинные открытки и фотографии с видами Старой Руссы и горожан. Так как экспозиция задумывалась не как мемориальный музей, допускалось использование «новоделов» и оформительских материалов.

В 2000 году сотрудниками музея были разработаны и защищены тематико-экспозиционный план и научная концепция литературной экспозиции «Музей романа Ф.М. Достоевского “Братья Карамазовы”». Первоначально в качестве художественного оформления экспозиции были выбраны работы ленинградского худож-

ника О.Г. Манюкова (1934–1981). Значительная часть его картин была посвящена образам героев А.С. Пушкина и Ф.М. Достоевского. В 1970-е годы Манюков создал серию полотен по мотивам романа «Братья Карамазовы». Их своеобразие заключалось в использовании смешанной техники: мощная основа с грубо нанесенным на нее левкасом, с последующими рельефными прорисовками, создающими богатство форм и образов. Однако со временем работы Манюкова утратили свою актуальность, и было принято решение найти художника, который смог бы воплотить в жизнь идеи, заложенные в плане по созданию экспозиции. В результате, автором художественной концепции старорусского музея стал Народный художник Российской Федерации Борис Львович Непомнящий. Его иллюстрации, посвященные творчеству Ф.М. Достоевского, широко известны в России и за рубежом. Впервые к миру произведений Достоевского Непомнящий обратился в 1970-е годы. Его офорты по мотивам «Братьев Карамазовых» были высоко оценены коллегами, критиками и зрителями. Созданная художником серия графических рисунков с изображениями главных героев романа «Братья Карамазовы», которые представлены на лестничной площадке музея перед входом в экспозиционные залы, передает сложный, многогранный мир образов Достоевского. Над воплощением художественного решения музея Непомнящий работал в соавторстве со своим петербургским коллегой и другом Николаем Михайловичем Исправниковым.

Важным этапом формирования экспозиции стало введение в нее мультимедийного контента.

Музей романа «Братья Карамазовы» был открыт 14 июля 2018 года. Экспозиция состоит из шести залов: «В городе “Братьев Карамазовых”», «Гостиная Федора Павловича Карамазова», «Гостиная Катерины Ивановны Верховцевой», «Детская», «Трактир», «Келья». В них воспроизведены интерьеры комнат, где разворачиваются основные события романа. Музей рассказывает не только о замысле, сюжете и идейном содержании произведения Достоевского, но и о главных этапах биографии писателя, его окружении и общественной жизни XIX столетия. В основе экспозиции — собрание экспонатов XIX — начала XX веков: предметы быта, книги, мебель, открытки и фотографии. В коллекции представлены подлинные предметы — визитные карточки Достоевского, первое отдельное прижизненное издание романа «Братья Карамазовы», журнал «Рус-

ский вестник», в котором впервые было опубликовано произведение. Предметный ряд дополнен мультимедийным контентом: в каждой комнате установлены экраны, транслирующие изображения героев Достоевского, отдельные эпизоды, связанные с биографией писателя, портреты его современников.

В настоящее время музей работает и как научно-культурный центр, где ежегодно проходят мероприятия, посвященные биографии и творчеству Ф.М. Достоевского: конференции, выставки, литературные вечера, концертные программы, театральные постановки.

Как любая новая непривычная форма, музей романа вызывает споры о том, каким он должен быть. Этому вопросу и был посвящен круглый стол, публикация которого предлагается вниманию читателей журнала.

Ю.В. Юхнович

Участники:

Константин Абрекович Баршт, доктор филологических наук, профессор, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия).

Валентина Васильевна Борисова, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской литературы, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (Уфа, Россия).

Александр Петрович Власкин, доктор филологических наук, профессор, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова (Магнитогорск, Россия)

Алина Валентиновна Денисова кандидат филологических наук, Санкт-Петербургский университет МВД России (Санкт-Петербург, Россия).

Ольга Алексеевна Деханова, кандидат фармацевтических наук, исследователь творчества Достоевского (Москва, Россия).

Владимир Николаевич Захаров, доктор филологических наук, профессор Петрозаводского университета, Российский фонд фундаментальных исследований (Москва, Россия).

Татьяна Александровна Касаткина, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, зав. научно-исследовательским центром «Ф.М. Достоевский и мировая культура», Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия)

Сергей Акимович Кибальник, доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия).

Людмила Ивановна Сараскина, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Государственный институт искусствознания (Москва, Россия).

Павел Евгеньевич Фокин, кандидат филологических наук, зав. отделом «Музей-квартира Ф. М. Достоевского», Государственный музей истории российской литературы имени В. И. Даля, (Москва, Россия).

Сергей Леонидович Шараков, доктор филологических наук, старший научный сотрудник филиала «Дом-музей Достоевского в городе Старая Русса» (Старая Русса, Россия).

Ольга Юрьевна Юрьева, доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой филологии и методики, Педагогический институт Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия).

Юлия Вячеславовна Юхнович, кандидат филологических наук, заведующая филиалом Новгородского государственного объединенного музея-заповедника «Дом-музей Ф.М. Достоевского» (Старая Русса, Россия).

С.А. Кибальник: Дорогие коллеги, программа круглого стола у нас заранее обозначена. В начале мы послушаем доклад Юлии Вячеславовны Юхнович о той экспозиции, которую мы сегодня с вами посмотрели, а потом по поводу доклада выступят Татьяна Александровна Касаткина, Ольга Юрьевна Юрьева, Валентина Васильевна Борисова и я. И после этого мы с вами еще поговорим и о экспозиции, и о самом романе «Братья Карамазовы».

Ю.В. Юхнович: Да, и, может быть, кто-то из коллег захочет высказаться, Сергей Акимович, потому что я вижу присоединившегося к нам в зуме Павла Евгеньевича Фокина. Мы его тоже приглашали принять участие в круглом столе.

С.А. Кибальник: Замечательно. Таким образом, будут выступления и онлайн, потому что Владимир Николаевич Захаров и Людмила Ивановна Сараскина тоже будут участвовать.

Ю.В. Юхнович: Добрый день всем! Сегодня вы посетили, кто-то впервые, кто-то не впервые, наш музей — Музей романа «Братья

Карамазовы», увидели его, посмотрели нашу экспозицию, послушали экскурсию. И я буду говорить о важных и концептуальных для нас проблемах. Мой доклад будет состоять из двух частей. Первая часть — это история создания нашей экспозиции, то, что мы видим в музее сейчас, и вторая часть доклада будет посвящена перспективам развития нашего музея.

Вам известно, что экспозиция наша открылась в 2018 году, это новый музей, музею еще нет трех лет, и, конечно же, мы не избежали критических отзывов после открытия экспозиции, как, наверное, и любой литературный музей. А это означает, что впереди нас ждет большая работа, связанная с постановкой новых исследовательских задач, реализация которых позволит дополнить нам экспозицию и раскрыть ее на более глубоком идейном уровне.

Наша задача состоит в том, чтобы дальше развивать музей и попытаться раскрыть его потенциал уже на основе существующей модели экспозиции. И, конечно, мы будем благодарны всем за обратную связь, за ваши предложения в ходе нашего обсуждения на круглом столе.

Напомним, что научная концепция музея, посвященного роману «Братья Карамазовы», была разработана и защищена в 2000 году. Ну а сама идея о создании экспозиции возникла еще в середине 80-х годов, когда, собственно, вот это здание, этот дом (это памятник первой трети XIX века), дом купца Н.Т. Беклемишевского, был передан Новгородскому музею-заповеднику. По замыслу разработчиков, музей должен был представить идейно-художественное содержание знаменитого романа Достоевского, рассказать о его истоках, истории создания, персонажах и, по возможности, дать развернутую характеристику историко-культурной и общественно-политической среды 70–80-х годов XIX века. Для решения этих задач предлагалось раскрыть несколько тематических блоков: «История создания романа “Братья Карамазовы”», отражение в нем старорусских реалий, «История одной семейки, или “карамазовский бунт”», «Женские образы в контексте судьбы и творчества Ф.М. Достоевского», «Тема детства в романе “Братья Карамазовы”», «Достоевский и православие». Согласно тематико-экспозиционному плану, для создания экспозиции предполагалось использование предметов нашего фонда: это книги, предметы быта, мебель, старинные открытки и фотографии с видами Старой Руссы и жителей нашего города. А так как экспозиция задумывалась не как мемориальный музей, допускалось

использование «новоделов» и оформительских материалов. Например, шторы, изготовленные из современных материалов, но по образцам второй половины XIX века, витраж с изображением Храма Спаса на Крови, копии рукописей к роману Федора Михайловича и реплики икон.

Существенно менять общую концепцию музея мы не стали, так как у нас был уже готовый тематико-экспозиционный план с указанием конкретных экспонатов для создания интерьерной основы экспозиции, значительная часть которых представлена предметами мебели, быта. Отметим, что все предметы, которые вы сегодня видели, — это фонд нашего филиала, за исключением, наверное, одного буфета, который стоит у нас в комнате Федора Павловича Карамазова. Была проведена большая работа по реставрации мебели, подбору тканей для обивки диванов, кресел и стульев, штор и гардин, закупке предметов. Так как экспозиция представляет интерьеры комнат персонажей романа, эту задачу необходимо было решить в первую очередь.

В тематико-экспозиционном плане отдельно выделен пункт, связанный с художественным оформлением экспозиции. И первоначально в музее планировалось экспонирование работ ленинградского художника-нонконформиста Олега Григорьевича Манюкова, популярного в 60–70-е годы и создавшего серию работ, посвященных роману «Братья Карамазовы». Их своеобразие заключалось в использовании смешанной техники: мощная основа с грубо нанесенным на нее левкасом, с последующими рельефными прорисовками, создающими богатство форм и образов. Однако эти работы так и не стали частью экспозиции.

С 2010 года музей сотрудничал с известным художником Леонтием Владимировичем Озерниковым, создавшим известные музейные экспозиции — Дом Гоголя в Москве, музей Достоевского в Новокузнецке, ну и ряд других известных музейных экспозиций. Но, к сожалению, эта работа так и не была завершена Озерниковым.

В 2014 году к созданию художественной концепции музея приступил Борис Львович Непомнящий, Народный художник России, чья творческая деятельность в основном связана с Великим Новгородом. И хочу сказать, что впервые к миру произведений Достоевского Непомнящий пришел еще в 70-е годы XX века: сначала была создана серия офортов, посвященных «Братьям Карамазовым», затем он уже обращался к другим произведениям Федора Михайловича, в частно-

сти, к «Запискам из Мертвого Дома», и, конечно, мы этого художника хорошо знаем, и вы не раз видели его работы в этом зале. И, помимо графических работ, отсылающих к образам знаменитого романа, Непомнящий предложил включить в экспозиционное пространство фигуры героев-жителей городка Скотопригоньевска. Предложение показалось нам достаточно интересным, и мы приняли его. Фигуры героев максимально высветлены, они изготовлены из белого материала, их лица не выписаны, а расплывчаты, костюмы героев выполнены в монохромной светлой гамме. И в этом заложен особенный смысл. Посетитель воспринимает их не только в качестве экспонатов музея, которые несут на себе определенную смысловую нагрузку, а лишь на мгновение ощущает их присутствие и задумывается уже над тем, как тот или иной герой функционирует в пространстве романа, имея возможность, соприкоснувшись с текстом Достоевского, осмыслить, как создавались великие образы Достоевского. А для того, чтобы это легче было сделать, почти в каждой комнате музея представлен экземпляр романа. То есть в любую минуту посетитель может обратиться к тексту произведения и понять, какую роль сыграл в нем тот или иной персонаж или как он выглядел. Прием использования светлой монохромной гаммы в оформлении экспозиции раскрывает еще одну идею, которую хотели донести авторы художественной концепции до посетителей. Это идея о победе света над тьмой; путь каждого героя Достоевского — это путь к свету или отчаянная борьба, попытка отыскать этот путь.

Экспозиция музея отсылает нас и к старорусским реалиям, нашедшим отражение в романе «Братья Карамазовы». В оформлении комнат использованы старинные открытки и фотографии из фонда филиала с изображениями Старой Руссы и ее жителей. Представлено много предметов из коллекции Льва Матвеевича Рейнуса, занимавшегося исследованием старорусского периода жизни и творчества Достоевского и подарившего музею более тысячи предметов, связанных с историей нашего города. Так, благодаря его коллекции старинных открыток с видами Старой Руссы, удалось воссоздать карту памятных мест Достоевского, по которой можно проследить маршруты прогулок писателя, а также назвать конкретные объекты, которые упоминаются в романе «Братья Карамазовы». Первоначально в тематико-экспозиционном плане был прописан такой пункт — создание в первой комнате музея большого макета Старой Руссы, но мы все-таки отказались от этой идеи, решили заменить

этот макет картой, объясню почему. Дело в том, что в 1969 году, когда еще Георгий Иванович Смирнов открывал здесь, в Старой Руссе, первую экспозицию, посвященную Достоевскому, в доме писателя, во второй комнате этого музея, которая была посвящена Старой Руссе и собственно роману «Братья Карамазовы», была такая уникальная карта, рукотворная, изготовленная нашим местным художником Василием Алексеевичем Федоровым. И по каким-то причинам эта карта была утеряна, и мы решили, создавая музей, возродить эту традицию, решили воссоздать такую карту. И вот сейчас вы можете видеть карту в нашем музее. Она очень заинтересовывает всегда наших экскурсантов, посетителей, и мы с радостью рассказываем о местах Достоевского в Старой Руссе.

В состав экспозиции включен огромный иллюстративный ряд, состоящий из материалов, связанных с биографией, творчеством Достоевского и его окружением. Изначально планировалось разместить их на стенах и в витринах. Однако на последних этапах создания музея мы поставили такую задачу: создать принципиально новую экспозицию, удовлетворяющую запросам современного посетителя. Тогда появилась идея о внедрении мультимедийного контента. В каждой комнате он представлен по-разному: в первом зале — это подсвеченное окно с видом на старорусский храм, на Воскресенский собор, которое внезапно открывается перед посетителем и превращается в киноэкран, транслирующий сюжеты из жизни Достоевского; в гостиной Федора Павловича «оживает» зеркало над камином, в котором можно увидеть изображения героев романа и предметы-детали, связанные с их характеристикой; в комнате, посвященной женским образам, старинное зеркало отражает портреты женщин из окружения Достоевского (эти же слайды, но уже с текстовым сопровождением, загружены в виде дамского альбома в планшет, что рассчитано, главным образом, на одиночных посетителей, которые располагают свободным временем и готовы познакомиться с дополнительной информацией по данной теме); в Трактире и в Детской в оконных проемах установлены лайт-боксы — подсвеченные статичные изображения Торговой площади Старой Руссы и храма Спаса на Крови; в Келье на большом экране перед нами предстает галерея образов, связанных с темой православия. Визуальный ряд дополнен звуковым сопровождением.

Отметим, что экспонаты, рассказывающие о сюжете романа, иллюстрации и мультимедийные материалы начинают правильно

взаимодействовать друг с другом только тогда, когда подкреплены словом экскурсовода. Да, это музей, который требует дополнительного комментария. Неподготовленному посетителю, который не прочитал роман, сложно ориентироваться в экспозиции. Но это, наверное, является проблемой для всех литературных музеев.

Конечно, мы стараемся, чтобы музей стал доступен и понятен для всех. За время его работы было сделано многое. В экспозиции появился интерактивный фонд, представляющий предметы быта XIX века, к которым можно прикоснуться, подержать в руках, что вызывает живой интерес у всех категорий посетителей, включая людей с ограниченными возможностями. Специально для одиночных посетителей был разработан текст аудиогuida. К юбилею Достоевского должен выйти путеводитель по Музею романа «Братья Карамазовы».

Особое внимание музей уделяет работе с образовательными учреждениями. Вот в этом году сотрудниками был разработан квест «Тайны старого особняка», целью которого стало приобщение школьников к творчеству Достоевского. В игровой форме дети знакомятся с сюжетом и главными персонажами романа «Братья Карамазовы», а также с экспозицией и старинными предметами, которые помогают проникнуться атмосферой времени Достоевского. Эта программа пользуется популярностью как у детей, так и у взрослых.

На базе музея проводятся тематические абонементы «В мире Достоевского», «Роман “Братья Карамазовы” как историко-культурный и богословский текст», «Пятницы с Достоевским». В 2019 году в Музее романа «Братья Карамазовы» началась реализация проекта ШКИД (Школьный Клуб Исследователей Достоевского), приуроченного к 200-летию со дня рождения писателя. Целью данного проекта была подготовка волонтерской группы школьников для участия в юбилейных мероприятиях. И вот что самое главное — то, что все вот эти мероприятия, которые я назвала, они проходят на базе наших экспозиционных комнат, могут проходить с использованием мультимедийного оборудования — в частности, вот этот проект «ШКИД» мы реализовывали именно на базе нашей новой экспозиции. Сейчас мы уже видим готовые результаты, и дети, участники этого проекта, выступили совсем недавно здесь с исследованиями, посвященными Федору Михайловичу, и была проведена такая вот уникальная выставка «Мир Достоевского».

В 2019 году, в рамках проведения Международного театрально-го фестиваля Достоевского, в экспозиции Музея романа «Братья Карамазовы» состоялась премьера иммерсивного спектакля «Идиот». Зрители стали свидетелями того, как в музейных интерьерах оживают герои Достоевского и его время.

Как представляется, формат экспозиции позволяет использовать разнообразные способы и приемы работы с посетителями, что является важным критерием для развития музея. Однако некоторые аспекты, связанные с идейным наполнением музейного пространства, требуют доработки. Так, в экспозиции отсутствуют некоторые документы, письма, рукописи, связанные с историей создания романа «Братья Карамазовы», а также фундаментальные исследования, посвященные его изучению. Ну вот, назову: Розанов, Булгаков, Кирпотин, Кантор, Татьяна Александровна Касаткина и знаменитый сборник «Роман “Братья Карамазовы”: современное состояние изучения», книга Валентины Евгеньевны Ветловской «Роман Достоевского “Братья Карамазовы” и много, много еще чего можно включить в этот перечень других работ.

Сотрудникам музея предстоит расширить экспозицию, дополнив ее необходимыми материалами и экспонатами. Но для этого нужно четко представлять, как эти предметы будут взаимодействовать с пространством уже существующего музея. Поэтому в ближайшее время требуется пересмотреть некоторые пункты тематико-экспозиционного плана и внести в него соответствующие коррективы, после чего можно начинать работу по отбору экспонатов. В связи с тем, что фонд музея не располагает подлинными документами (у нас совсем небольшой фонд — в нашем фонде всего лишь восемь с небольшим тысяч предметов, поэтому, конечно, мы нуждаемся в помощи и обязательно будем обращаться за помощью в архивы и в другие литературные музеи, которые смогут нам предоставить копии рукописных материалов).

Еще одной важной задачей перспективного плана, связанного с реэкспозицией Музея романа «Братья Карамазовы», является преобразование Трактира и Кельи. Эти комнаты должны стать кульминационными точками музея. Для этого необходимо с помощью художественных приемов создать «живое» пространство, отражающее главный идейный замысел романа, пространство, увлекающее посетителя в мир Достоевского и его героев. Ну, мы уже на пути к решению этой проблемы, уже найден художник, с которым, я надеюсь, мы разработаем художественное решение этих комнат.

Решение этих важных задач во многом определит будущее музея и перспективы его развития. Но в процессе этой деятельности мы должны помнить, что каждый музей есть явление уникальное и неповторимое. При его создании невозможно использование готовых рецептов и отработанных схем. Будучи научно-просветительским учреждением и в то же время хранилищем памяти, он должен искать новый язык общения с посетителем, присущий только ему. Надеемся, что именно на таком языке и будет происходить диалог в Музее романа «Братья Карамазовы».

С.А. Кибальник: Большое спасибо, Юлия Вячеславовна. Пожалуйста, может быть, вопросы? Или мы перейдем сразу к следующему выступлению? Пожалуйста, кто хотел бы из тех, кто заявился? Вот Татьяна Александровна, Ольга Юрьевна, Валентина Васильевна, кто начнет?

Т.А. Касаткина: Давайте я начну.

С.А. Кибальник: Да, пожалуйста. Я только, извините, скажу. Поскольку у нас довольно ограниченное время и довольно много записавшихся, то регламент выступлений — 5–7 минут.

Т.А. Касаткина: О, нет, я не буду говорить долго. Сегодня я, к сожалению, не была на экскурсии, поэтому я не могу сказать, что я знаю, как музей выглядит прямо сейчас. Я была на этой экскурсии примерно 2,5 года назад, когда меня попросило руководство Новгородского музея съездить посмотреть с ними экспозицию. И когда я ехала, у меня были самые разные сомнения. Однако после того, как Сергей Леонидович Шараков провел для нас экскурсию, никаких сомнений у меня не осталось — поскольку стало очевидно, что в музее есть как минимум один гениальный экскурсовод, чьему взаимодействию с посетителями экспозиция активно помогает. Других сотрудников в этой роли я просто не видела, поэтому не могу наверняка судить о степени их гениальности. Этот музей создается, действительно, как музей экскурсовода — и я думаю даже, что Музей *романа* и не должен, и не может создаваться иначе — потому что все-таки главное в такого типа музее — это взаимодействие, человеческое общение, такой музей — это место, где читатель, который, может быть, читал поверхностно, а может быть, вообще не читал, а только собирается читать «Братья Карамазовы», встречает столь нужного ему проводника в многоуровневое пространство романа.

И ЧТО такой музей дает прежде всего?

Я не буду повторять уже сказанное Юлией Вячеславовной, поскольку она прекрасно описала все, что может дать посетителю музей даже без экскурсовода. Я же хочу сосредоточиться именно на том, что происходит, когда идет экскурсия. В сущности, практически все экспонаты — это просто такие точки останова совместного движения экскурсовода и экскурсанта, фокусные точки, вокруг которых завязывается очень живой диалог, за счет чего обеспечивается очень живая, отвечающая на живой запрос экскурсанта подача материала. Причем, насколько я понимаю, экскурсия довольно значительно меняется в зависимости от того, кто на ней присутствует. То есть это очень живое и личное общение, учитывающее уровень и вектор запроса и личное состояние и интерес экскурсанта — и, насколько я знаю, Сергею Леонидовичу случается вести экскурсии очень долго, потому что его просто не отпускают посетители.

Все, что я буду говорить дальше, я буду говорить из обозначенной мной позиции, которая помещает в центр музея романа — экскурсовода и его взаимодействие с экскурсантами, а не экспонат, который является лишь поводом для начала взаимодействия, точкой входа в него. Это музей с другим центром тяжести, чем привычный нам музей, где центр экскурсии — экспонат, а экскурсовод легко заменяется аудиогидом, общим для всех навсегда.

С этой точки зрения прекрасно решена проблема осмысления разноуровневого пространства музея, потому что когда мы попадаем даже не в трактир, а в кабак, то обнаруживаем, что ровно над ним находится келья, куда надо подниматься по узкой лестнице, и это довольно трудно, особенно для пожилых посетителей. И когда пожилой и, в общем, не очень здоровый человек преодолевает этот подъем (и когда молодой — тоже, но для него это, скорее всего, еще не так напряженно — и не так актуально), он оказывается, в очень большой части — за счет самого совершённого усилия восхождения (и здесь мы видим, как сам посетитель в самом себе творит экспонат этого удивительного музея), — в совершенно другом пространстве, в пространстве, которое раскрывается как не физически, но духовно возвышенное, не просто горница, но горница духа. Из низин потакания своим порывам и слабостям (кабак) он, ведомый истинным желанием, преодолевающим немощи, оказывается в высшей точке себя. Вот. И это все абсолютно ощущается именно в процессе экскурсии. Это — совместное восхождение. А ни в коем случае не в процессе просто осмотра того, что на самом деле является всего лишь материалом для экскурсии.

Итак, на самом деле это музей, где находятся НЕ материалы для осмотра, замыкающие, останавливающие посетителя на себе самих, а материалы, иницирующие и облегчающие взаимодействие экскурсовода с посетителями, посетителей — с самими собой, и их всех — с пространством романа: материалы, вокруг которых это взаимодействие и строится. И это, конечно, совершенно другой тип музея, и, на мой взгляд, это прекрасное решение нетривиальной задачи создания музея **романа**. И я бы ни в коем случае не стала бы его двигать в сторону столь привычного нам литературного музея, заполняя экспозицию рукописями, аналитическими изданиями и так далее, хотя их тоже вполне можно туда положить, и вокруг них тоже можно строить общение, они, в общем, не помешают. Просто это надо сделать где-то отдельно, выделив еще какое-то дополнительное помещение. И об этом тоже вполне можно с интересом поговорить: и о том, как писался роман, и о том, как он исследовался. Но это какой-то разговор другого уровня и другого плана уже. Такой разговор представляет научный и учебный — а не жизненный интерес. А приоритетно для музея романа Достоевского — показывать, что роман имеет для читателя острый жизненный интерес.

Очень хорошее решение отсутствия лиц у «героев», их «силуэтности», потому что как экспонат — это точка для взаимодействия с посетителями, так и это лицо — точка для проявления собственной читательской фантазии, внутренней активности и проекции на это вот предоставленное музеем место/абрис существа своего представления о герое, того, которое уже сформировалось или которое сейчас формируется в процессе экскурсии. Художник при таком решении не мешает взаимодействию посетителя с романом, а служит ему, не подавляет экскурсанта своим видением; словом, предлагает ему не картину, а мольберт.

Прекрасно, конечно, что есть мультимедийный контент и что уже есть путеводители и аудиогид. Но я в свое время неоднократно посещала — и даже однажды готовила — выставки, которые делает всемирная христианская католическая община «Comunione e Liberazione» в Римини. Это самый крупный ежегодный католический фестиваль в настоящее время. И они регулярно делают выставки именно такого типа — смысловые, а не демонстрационные (такое разделение, конечно, очень условно, но все же легко интуитивно понимаемо). И у них обязательно в экспозицию включены текстовые щиты. Иногда выставка перегружена текстовыми щитами — и это

плохо. Но в меру — это нужно. Я думаю, что именно те, кто ведет экскурсии, прежде всего, наверное, Сергей Леонидович, могут решить, какой «ударный» текстовый материал может и должен быть на этих щитах. Прежде всего, думаю, — это цитаты из романа и черновики к нему. Цитаты тоже могут стать опорными точками для разговора, и в этом смысле можно дополнить экспозицию, но только если вы сами решите, что вам это нужно.

Собственно, я, наверное, все сказала, что собиралась. Главное, еще раз хочу подчеркнуть: все решения о экспозиции должны принимать действующие экскурсоводы, потому что только они понимают, что для них работает в выстраивании коммуникации с экскурсантами, а что мешает. Спасибо.

С.А. Кибальник: Спасибо, Татьяна Александровна.

С.Л. Шараков: Сергей Акимович, сейчас надо дать слово Павлу Евгеньевичу Фокину.

С.А. Кибальник: Да, можно, действительно, я тоже об этом подумал. Если Павел Евгеньевич с нами сейчас.

В.Н. Захаров: я уже созрел, если что...

С.А. Кибальник: А, уже созрели, да? Хорошо. Ладно.

В.Н. Захаров: Павла Евгеньевича Вы пригласили...

П.Е. Фокин: Да. Спасибо. Нормально меня слышно, да, коллеги? Я хочу сказать, что, конечно, создание музея *произведения* — это такая достаточно сложная вещь. Не так много прецедентов существует в России. Я вспоминаю музей повестей Белкина в Болдино, — и есть еще не столько музей, не целый музей, но музейное пространство — поэмы Василия Львовича Пушкина «Опасный сосед» в музее Пушкина, Василия Львовича Пушкина, в Москве. Кстати, и тот и другой делала один и тот же экспозиционер Наталья Ивановна Михайлова, ведущий научный сотрудник (коллеги знают ее как замечательного филолога, пушкиниста). И вот насколько удалась история с поэмой «Опасный сосед», настолько, мне кажется, не очень удачной получилась «болдинская история» с повестями. Там экспозиция как бы идет по пути некоего иллюстрирования.

Вот Татьяна Александровна правильно сказала, что, действительно, музей «Братьев Карамазовых», который мы знаем, — это, скорее, музей экскурсовода. С одной стороны, это хорошо, с другой стороны, это проблема, потому что невозможно все время эксплуатировать одного и того же, ну, или там группу сотрудников, и каждого посетителя сопровождать экскурсией, как бы интересно это ни было.

Но просто по-человечески надо быть более, так сказать, гуманным к коллегам, и потом бывают всякие разные обстоятельства, бывают и отпуска, бывают и болезни и так далее. Что делать посетителю, если он пришел вот в такой момент, когда экскурсовода нет. То есть экспозиция должна работать, конечно, и в самостоятельном режиме. Здесь, наверное, выход может быть тот, который связан с аудиогидами. Как сказала Юлия Вячеславовна, они подготовлены. И это вполне возможная история, и я в связи с этим вспоминаю варианты европейских музеев. Скажем, в Вене музей Моцарта, или там музей Фрейда. У них просто аудиогид, он как бы входит в стоимость билета, то есть вы покупаете билет, и вам сразу выдают аудиогид. То есть вы не ходите без аудиосопровождения. И вот как показывает практика, это вполне работающая, хорошая вещь, тем более, наверное, не так много, не такой уж большой поток посетителей в старорусском музее, достаточное количество можно этих аудиогидов иметь в пользовании, чтобы обеспечить каждого посетителя. Да.

Но еще один вопрос, конечно, состоит в органичности. В органичности предметов и органичности экспозиции, потому что здесь, в этой экспозиции, сочетаются как предметы подлинные, пусть типологические, но тем не менее вписанные в историю, так и предметы совершенно, ну, иной эстетики, как вот те самые манекены в костюмах, условных костюмах, героев, которые ко всему еще и выставлены в витринах, в этих стеклянных, которые их, с одной стороны, изолируют, а с другой — их, наоборот, акцентируют, скажем так. Потому что посетитель невольно реагирует на это «оборудование». Я понимаю как практикующий музейщик все сложности этого, так сказать, явления, и насколько трудно это корректировать. Но мне представляется здесь такое совмещение не очень органичным. Тут должен бы быть путь либо все-таки за типологией, вслед за подлинными вещами, либо за вот такими включениями витринными, представляющими собой некие такие «реперные» точки, где можно было бы о чем-то рассказывать.

Но экспозиция уже есть, она создана — и это факт. То, что экскурсовод находит возможность с этим работать, ну, это замечательно, потому что это серьезная проблема на самом деле — соединение таких вот объектов в одном пространстве. Ну и, конечно, очень сложно работать экспозиционеру с тем домом, который у него в наличии и который задает свои параметры экспозиции. Одно дело, когда вы выстраиваете пространство или строите музей по своему

проекту — и вы знаете, как и что вы будете показывать, а другое дело — когда у вас есть конкретная архитектура.

Здесь в наличии анфилада комнат, которая тоже задает свой смысл. И хотя здесь анфилада тематически решена: комната Братьев Карамазовых, потом женская тема, потом детская, — но если психологически смотреть и идти вслед за интерьерерами, то у нас вообще получается, что это как бы такая семейная история, где в одном доме, просто в разных комнатах: это комната Федора Павловича, его, там, столовая, кабинет, а вот это женская комната семьи Федора Павловича: получается, эти женщины, они как бы вписываются в историю карамазовскую, а дети, Илюшечка — получается как бы ребенок вот этой карамазовской семьи. Это тоже проблема, но это проблема, которая решается опять же через человека. Поэтому музей неординарный, музей очень сложный, музей неоднозначный, в нем есть спорные моменты. Но он работает, и то, что он нашел свой какой-то способ функционирования — это замечательно. Нужно только побережь своих коллег, вот так я скажу. Спасибо большое.

С.А. Кибальник: Спасибо большое, Павел Евгеньевич. Поскольку Владимир Николаевич нашел возможным принять участие в нашем разговоре и уже готов, то, пожалуйста, слово Владимиру Николаевичу.

В.Н. Захаров: Спасибо, хотя я мог бы и подождать, но раз уж меня вызвали, то я хотел бы тоже высказать свои соображения. В Старой Руссе, как и некоторые старожилы, я где-то с середины 80-х годов и прекрасно помню, что было, когда вот этого здания в составе музея не было, и помню, как долго он ремонтировался, ну и многое другое. Поэтому, конечно, меня, как и любого участника Старорусских чтений, волнует судьба и Старой Руссы, и мемориального дома, и теперь уже Музея «Братьев Карамазовых». Я могу только посочувствовать музею. Я знаю эту историю и предысторию экспозиции, ему навязали ту концепцию, которая реализована в проекте. Татьяна Александровна права в том, что Музей «Братьев Карамазовых» — это музей экскурсовода. Коллектив музея замечателен, музей всегда держался на подвижниках. Татьяна Александровна хвалила музей. Мне, когда я увидел впервые экспозицию, она активно не понравилась, и не понравилось то, что нравится Татьяне Александровне. Не понравилась ни медийность, ни эти безликие манекены, которые даже куклами не назовешь. Собственно, это главная проблема, которая меня останавливает сказать доброе слово о том, что было названо

открытием Музея «Братьев Карамазовых». Я, в общем-то, согласен со многим из того, что сказал Павел Евгеньевич. И мне кажется, что нужно находить мягкую форму преодоления того, что случилось несколько лет назад. Конечно, мир не перевернулся от того, что открыли такой музей «Братьев Карамазовых», но этот музей, я имею в виду здание, может быть в любом месте, не только и не столько в Старой Руссе, оно может быть в Норильске, во Владивостоке, где угодно, в любой точке мира. Ну, а Старая Русса — это, конечно, особый город, и музея не было, а экскурсии по Старой Руссе, по городу Братьев Карамазовых, были, и они всегда производили впечатление на тех, кто приезжал в Старую Руссу и, может быть, неожиданно для себя узнавал, что здесь жил Достоевский, что он писал, начиная с «Бесов», многие свои произведения и так далее. Собственно, если говорить о восстановлении, развитии концепции, то эта концепция создана музейщиками еще 50 лет назад: Старая Русса как город «Братьев Карамазовых». И для этого необязательно здание. Здание — очень хорошо, и его нужно использовать, а сам город нужно, по мере возможности, сохранять. Это самая главная, самая важная идея, которая должна лежать в основе любой концепции. У Старой Руссы есть своя историческая память. Это и заботы по сохранению памяти Достоевского Анной Григорьевной. Это и революция, которая лишила Достоевских их дома. И многое другое, что случилось. Это и пропажа рукописей «Братьев Карамазовых». У этой истории есть и старорусский след. Не знаю, насколько это достоверно, но пишут, что поручик Вронский — это старорусский житель, который, возможно, был на Кавказе по поручению, может быть, Любови Федоровны Достоевской. Во всем этом нужно разбираться. В том числе и искать рукописи «Братьев Карамазовых». Фактов много, может быть, кто-нибудь из случайных посетителей музея что-нибудь сможет дополнить и какие-то факты привнести. Я думаю, что лучше было бы делать работу по исправлению экспозиции медленно, тихо, не привлекая особого внимания Министерства культуры, которое будет обязательно заинтересовано в каком-нибудь глобальном проекте, в освоении большого бюджета. А потом, в общем-то, все, кто придут, будут разводить руками от того, что увидели. Нужно постепенно исправлять, в том числе включать факты недавнего прошлого. Старая Русса, или город Достоевского, город не только «Братьев Карамазовых», но, подчеркиваю, и Достоевского, получили свое отражение в советской литературе. Кто не помнит «Обратный би-

лет» Даниила Гранина? — Это еще одна реальность, в которой пребывают, став советскими людьми, герои или земляки Достоевского, явив свою правду мира. Возможностей, как развивать музей, много. Самое главное, нужно уже сейчас начать действовать в рамках той, может быть, и стратегии, и постепенной тактики исправления того, что сейчас существует в виде действующей экспозиции. Оставить то, что хорошо, развивать это, но и отказываться от тех избыточных излишеств, которые имеются в этом проекте. Я совсем не против мультимедийности, наоборот, двумя руками за нее. Но те тексты, которые можно слышать, то, что можно там видеть, на меня производят удручающее впечатление. Павел Евгеньевич вспоминал, как организовано пространство, звучащее пространство, в австрийских музеях. Я думаю, что и в Старой Руссе нужно сделать так же, чтобы воспринять звуковой и визуальный образ Достоевского в Старой Руссе, образ Старой Руссы как города Достоевского, как города Братьев Карамазовых, который включает в себя не только Старую Руссу, но и Оптину Пустынь, не только Петербург или Москву, которые связаны со Старой Руссой биографически, через Достоевского, который постоянно из Старой Руссы ездил то в Петербург, то в Москву. Это всё может представить Россию Достоевского в любых проявлениях, во всех видах, в портретах, фото, музыке, текстах. Этим мультимедийным богатствам приходится только радоваться. 1860–1880-е годы — это век расцвета российской фотографии. И здесь много, что можно найти и использовать.

Надеюсь, что наши советы будут полезны и востребованы работниками музея. Мы готовы защищать любимый музей Достоевского в Старой Руссе, город Старую Руссу как Музей «Братьев Карамазовых», бережно сохраняя то ценное, что есть в этой экспозиции, но менять ее, и менять бережно, но радикально. Спасибо за внимание.

С.А. Кибальник: Большое спасибо Вам, Владимир Николаевич. У нас еще из тех, кто выступает онлайн, есть Людмила Ивановна Сараскина. Я хотел бы ее попозже попросить выступить, тем более что она, в основном, о самом романе будет говорить. А вот тех, кто непосредственно об экспозиции, у нас это еще Ольга Юрьевна и Валентина Васильевна. Пожалуйста, вам слово.

О.Ю. Юрьева: Я, наверно, буду, можно сказать, самым объективным ценителем, потому что я терпеть не могу литературных музеев. Я в ступор впадаю и в жуткую депрессию, когда я попадаю в литературный музей. Но сегодня я еще раз убедилась, что эти

литературные музеи созданы не для нас. И нам они, естественно, не нужны, нам, людям, у которых работает воображение, которые погружены в культурную среду. И мы, наверное, еще даже не понимаем, какая огромная ответственность лежит на таком музее и какую роль этот музей еще сыграет в будущем. Ведь посмотрите. Приходит, как говорится, поколение с «клиповым» сознанием и мышлением, которому нужна чистая визуализация. То есть, очень скоро вот такие, как мы, динозавры, да, естественно, ну... вы поняли. И придет это новое поколение, которому нужно другое.

Что такое музей литературный? Во-первых, это органика: Старая Русса — место создания романа, и это уже создает определенный настрой. Но... я работаю со студентами. И вы понимаете, для них эта эпоха, как для нас средневековье, хотя для нас даже средневековье ближе, чем для них XIX век. Они вообще ничего не понимают и не знают. Они понятия не имеют, что надевали, какая была мебель или еще что-то. Они не смотрят никаких передач по телевизору, как мы раньше смотрели. У них таких передач нет. То есть, растет поколение — и оно уже маленькое, оно уже по музеям ходит — которое вообще ничего этого не знает, — и у музея возникает огромная миссия. То есть, попадая вот в этот музей, они вдруг: «О!..» — видят. Понимаете? Это визуализация того мира, который для нас абсолютно само собой разумеется. И вы понимаете, я думаю, что лет через 10–15 вот этот музей сыграет такую же роль. Это огромная культурно-просветительская функция, которую будет нести этот музей. И мы не имеем права, я считаю, сейчас подходить к нему с какими-то своими «высоколобыми» литературоведческими мерками и говорить: «Ой, вот это вот не так, и вот это вот не то!». Музей — это живое существо! и я уверена, что со временем сотрудники увидят реакцию публики, реакцию зрителей. Посетители сами войдут, они переделают, они подделают все это под себя. Музей — это живой организм, и он будет развиваться как живой организм. Вот Татьяна Александровна сказала когда про цитаты, я вдруг подумала, действительно, ведь понимаете, экскурсий тоже может быть несколько типов, правда? Вот такая обзорная экскурсия великолепная нам сейчас была проведена. Вот есть Сергей Леонидович, а сегодня Наталья Анатольевна проводила, и это было прекрасно. Но еще должна быть экскурсия, знаете, такая экскурсия-погружение. Вот пришел человек, и пусть он «застрянет» в этом романе. А для этого, посмотрите, это не только планшеты, которые надо читать. Вы знаете, я, грешным делом, боюсь, что очень

скоро народ вообще и читать-то уже как-то так не очень сможет, да, потому что все к тому идет. Аудио — это хорошо, вот эти вот цитаты, описание интерьеров, какие-то линии интересные, описание героев, пусть это будет в аудио прочитано хорошим актером, но чтобы, действительно, кроме гида, были еще вот эти цитаты... Это должен быть еще, понимаете, не только визуальный образ романа, он должен быть еще и словесный, текстуальный. То есть экскурсанты должны погружаться еще и в самую атмосферу этого романа, в его словесную, текстовую ткань. В эти вот цитаты... и вы знаете, если из ста человек, которые придут в музей, три человека выйдет и пойдет читать книжку, свою миссию музей выполнил на 100 процентов. Поэтому я считаю, что у музея огромное будущее. Огромную роль он должен сыграть, именно вот такую, просветительскую. И он должен об этом помнить и на это работать. А мы поможем.

С.А. Кибальник: Спасибо большое, Ольга Юрьевна. Пожалуйста, Валентина Васильевна.

В.В. Борисова: Коллеги уже многое сказали, и я с ними согласна, но некоторые предложения, пожелания любимому музею тоже хотелось бы высказать. Ну, во-первых, какую-то оценку ждут наши коллеги, работающие в музее, и мне хотелось бы подчеркнуть, что у него есть свое лицо. Музей отличается сопряжением традиционного и современного форматов, причем современность он собирает усилить. Это хорошо, потому что молодежь, приходя в музей, ждет таких атрибутов, артефактов, которые близки их мировосприятию. Музей по-своему уникален. Павел Евгеньевич правильно сказал, что музеев одного произведения не так много. В Псковской области, например, есть музей по «Станционному зрителю». Понятно, что уникальность музея «Братьев Карамазовых» связана прежде всего со Старой Руссой. И контекст восприятия здесь старорусский. Это естественно, но думается, что он нуждается в расширении. Владимир Николаевич сказал, что здесь мы Россию Достоевского постигаем. Действительно, кроме старорусского контекста есть контекст России и контекст мировой. Это все контекст романа. И его не надо связывать только с локальным текстом. Имеется в виду всемирный, общечеловеческий контекст. Поэтому нужно соответствующие акценты ставить. Они могут быть связаны с предметами или со словом экскурсовода, но в любом случае контекст восприятия должен быть достаточно широким.

Я вспоминаю, как в первые годы по Старой Руссе гуляла и меня поразил один случай. Иду по улице мимо какого-то дома, и вдруг стекла в нем разлетаются, слышны крики, дебош какой-то с утра пораньше происходит. Ну, конечно, не очень все это порадовало, а потом вечером захожу в церковь и вижу, рядом стоят русские мужики. Как Федор Михайлович говорил: «В душу же мы им не заглядывали?» Вот они пьяные-перепьяные с утра пораньше, ну а вечером-то в церковь пошли. Это тоже Старая Русса Достоевского и Россия Достоевского. И очень хорошо, что в экспозиции именно это подчеркнuto, «схвачено»: с одной стороны — трактир, а с другой — келья, как в «Преступлении и наказании»: кабак и церковь. Понимаете, мимо церкви, мимо кабака мы до сих пор ходим. Вот это, наверное, нуждается в особой акцентуации. Татьяна Александровна уже говорила, что нужна книжная витрина, выставка многочисленных изданий о «Братьях Карамазовых», причем, не только отечественных исследователей, но и зарубежных ученых, чтобы посетители убедились, что роман читают во всем мире. Тут и переводы, конечно, обязательно должны быть, и чем больше, тем лучше. Все это подчеркнет масштабное значение романа. И, видимо, в ходе экскурсии надо объяснять, чем же определяется этот феномен «Братьев Карамазовых», которых читает весь мир. Еще хочу сказать о картинах Непомнящего, они мне не очень нравятся. Ведь много других художников, много других картин. Нужно расширять изобразительный фон. Чтобы каждый посетитель мог отметить какой-то визуальный аналог, передающий дух романа. Также помимо постоянной экспозиции, как в музеях московском и Санкт-Петербургском, возможны и меняющиеся. Вот мы сейчас здесь сидим и видим прекрасные картины детей, пусть еще несовершенные, но они очень искренне, с чувством написаны и тоже впечатляют. Таких экспозиций должно быть больше. Чем еще выделяется старорусский музей? Он лидирует в Интернете, представляет себя очень активно в Сети по сравнению даже с Петербургским. Павел Евгеньевич, не обижайся, пожалуйста, и по сравнению с Московским тоже. Информация каждый день появляется разнообразная. Старорусский музей напоминает о себе, каждый день что-то новое размещает, привлекает к себе внимание. Это очень хорошо. В наше время, если не будешь в Интернете, то тебя и знать не будут практически. Вот такие суждения. Ну а в целом, конечно, хочется пожелать, вслед за Владимиром Николаевичем, любимому

музею благополучия, совершенства, чтобы он был успешным, чтобы планы выполнял, чтобы все сюда приезжали и так же, как мы, этот музей любили.

С.А. Кибальник: Спасибо, Валентина Васильевна. Дальше по плану должно быть мое выступление. Но Алина Валентиновна хотела 3–4 минуты что-то сказать, по ходу разговора. Поэтому, пожалуйста.

А.В. Денисова: Спасибо большое за предоставление слова. Я займу буквально несколько минут. Я выступаю здесь в двух ипостасях сейчас. Во-первых, как исследователь творчества Достоевского, и я думаю, что мои приезды в этот музей тому яркое свидетельство, доклады здесь и в Санкт-Петербурге. А вторая моя ипостась — я профессиональный гид, аккредитована при Правительстве Санкт-Петербурга, гид-переводчик, который за свою гидовскую деятельность провел очень много экскурсий. В том числе — автобусных, пешеходных, по Санкт-Петербургу и по городам Западной Европы, это Париж, это города Нидерландов, ну и далее по списку. Так вот, я со всей ответственностью заявляю как гид-переводчик, что любая экскурсия, любая, индивидуальна. Она зависит от личности того, кто ее проводит. И в моей практике были ситуации, когда был «костяк», данный в фирме всем гидам, но при этом все экскурсии отличались друг от друга. Поэтому я совершенно поддерживаю Татьяну Александровну, Валю, Ольгу, Юлю и говорю о том, что экскурсия по музею — это индивидуальная работа. Другое дело, что вот таких индивидуальных экскурсоводов нужно готовить, нужно готовить себе смену и не сваливать все на одного человека. Вот это первая сторона. Что касается экспозиции, она четко выстроена. И самое главное то, что (вот сегодня я там была первый раз) четко привязан визуальный ряд и информация. А вот уже эту информацию экскурсовод может подавать по собственному усмотрению, где-то взять больше политики, где-то взять больше истории, ради Бога, опрокинуть эту информацию в общий контекст российский, мировой, в зависимости от тех, кто пришел и слушает (аудитория всегда индивидуальна, не повторяются люди), и в зависимости от того, каким временем располагает этот гид.

Теперь о Старой Руссе. Старая Русса — это город, в котором написан именно роман «Братья Карамазовы». Поэтому Музей «Братьев Карамазовых», музей романа, здесь абсолютно оправдан. И он отличается от тех прогулок по городу, на которых я бывала. Это два разных жанра.

Юлия Вячеславовна говорила о концепции, которую они выстраивали. Любая концепция всегда преследует цель. Цель этой концепции — культурно-просветительская работа. Целевая аудитория — как раз тот «молодняк», о котором говорила Ольга Юрьевна, который должен «не мытьем так катаньем» окунуться в творчество Достоевского. В школе его редуцируют, так пусть они здесь слушают, понимаете. И в экспозиции очень удачно соединяется характеристика персонажей, эпохи, времени, костюмов, которые там есть: что ели, что пили, как были устроены комнаты — все это совершенно оправданно. Далее, я согласна с тем, что бывают разные типы экскурсий. Здесь все зависит от контингента, который слушает, и от тех задач, которые ставит перед собой экскурсовод. Я поддерживаю всех своих коллег, которые выступали и дальше будут выступать, в их утверждении, что, безусловно, Достоевского без России нет, так же как нет без российских реалий романа «Братья Карамазовы». Но здесь должен быть очень четко соблюден определенный баланс. Как его соблюсти? а вот это уже другая сторона концепции, над которой предстоит работать. Спасибо.

С.А. Кибальник: Дорогие коллеги...

Т.А. Касаткина: а можно, еще слово, простите, ради Бога? я из пяти минут лишь три минуты заняла.

С.А. Кибальник: Татьяна Александровна, давайте все-таки соблюдать порядок, как мы договорились...

Т.А. Касаткина: Пожалуйста! Просто Вы уже перейдете к другому типу круглого стола, а мне бы хотелось...

С.А. Кибальник: Ну, пожалуйста.

Т.А. Касаткина: Спасибо Вам большое. Дело в том, что коллеги сделали ряд очень интересных замечаний, и было бы важно, чтобы замечания эти не потерялись. Вот Павел Евгеньевич сказал, что сама анфилада комнат создает как бы историю семьи, объединяя всех неродственных персонажей романа в единое семейство. Но это ведь вовсе не плохо, а, наоборот, хорошо. И я думаю, что это даже хорошо бы усилить и акцентировать, потому что, собственно, замысел романа — это история всего человечества как единой семьи. Если мы вспомним черновые записи Достоевского, то среди них есть одна, которую просто, наверно, надо бы повесить прямо на одном из «щитов» в самом начале экспозиции: «Семейство расширяется, вступают и неродные, заткалось начало нового организма». Эта цитата — центральная идея всего романа «Братья Карамазовы», да

и всего творчества Достоевского, и вот поэтому как раз то, что внутри «заданного» внешним образом пространства естественно сложилась эта анфилада комнат как история семейная — это очень здорово. Конечно же и Илюшечка входит в эту семью, и все туда постепенно подтягиваются — и если мы не видим, что в тексте происходит именно это, сквозь весь очевидный раздор и разделение, то мы читали какую-то другую книгу.

Что касается того, что предметы экспозиции разнородны, какие-то пластик, новодел, а какие-то все-таки мебель XIX века, то они иным объединены, по иному параметру, у них другая точка схождения. Потому что точка схождения здесь — именно то, что они становятся центром, собирающим внимание и организующим взаимодействие экскурсовода и экскурсанта. Вот. И в этом смысле они просто, ну, типологизированы по другому принципу. Еще мне очень понравилось то, что сказал Владимир Николаевич насчет того, что такой музей мог бы быть где угодно. Я не очень согласна с тем, что он мог бы быть где угодно, вернее — что он мог бы *возникнуть* где угодно — но то, что он, будучи уже созданным, может быть где угодно — открывает замечательную перспективу. И ее надо обязательно иметь в виду. Вы можете возить эту выставку, потому что она действительно не обязана оставаться в Старой Руссе, хотя, конечно, именно здесь она должна иметь свое пристанище. Но вы можете возить ее по разным городам с вашими лучшими экскурсоводами. И это будет новая и прекрасная история. Спасибо.

С.А. Кибальник: Ну, собственно говоря, Татьяна Александровна начала уже как раз такой разговор, какой дальше я хотел бы, чтобы у нас был, потому что мы вообще не обязательно должны закончить разговор о экспозиции. Но при этом можно вспомнить и сам роман, которому она посвящена, потому что эти две темы между собой взаимосвязаны. Я бы как раз хотел начать с того, что я соглашаюсь с очень многим из сказанного. И вот одна из мыслей была, что в конце концов «кадры решают все». И у меня тоже самое лучшее впечатление от этой выставки, потому что здесь и Сергей Леонидович, и Наталья Анатольевна с замечательной экскурсией, которую мы сегодня прослушали, и Юлия Вячеславовна с замечательным докладом. Понятно, что музей еще в стадии становления. Но вот я обычно всегда согласен с Владимиром Николаевичем почти во всем. Но на этот раз я не согласен. Музей на меня не произвел впечатление депрессивного. Наоборот, я хотел бы подчеркнуть,

что мне как раз и понравилось, что в музее есть какое-то светлое начало. И вот в этом юбилейном году, когда мы очень много вообще в целом говорим о Достоевском, я неоднократно уже выступал на ту тему, что нам пора сломать тот стереотип, что Достоевский — это тяжелый талант, что это такой писатель параноидального типа, который «грузит», у которого масса психологических отклонений и т.д. и т.п. На самом деле, вспомните, как, когда был юбилей Пушкина в 21 году, Блок сказал впервые о «веселом имени Пушкина». Так вот может быть нам пришла пора по крайней мере в этот 200-летний юбилей Достоевского сказать о светлом имени Достоевского и светлом характере творчества этого писателя. Это то, о чем мы как-то забываем говорить, потому что у нас существует огромная инерция, накопленная критикой, а ведь по большей части эта критика была все-таки клеветой на Достоевского, от которой он при жизни как мог защищался, а после смерти уже ничего сделать не мог, конечно же. И в этом плане я хотел бы еще раз вспомнить, а что такое не только вообще само творчество Достоевского, а именно роман «Братья Карамазовы». И вот эту тему как раз Татьяна Александровна очень хорошо начала в своем выступлении. Потому что вчера ведь были уже некоторые доклады о «Братьях Карамазовых», и звучали такие речи, что это, дескать, какое-то славянофильство. Можно было бы сказать, что ладно, пусть это будет и славянофильство, или почвенничество. Но дело в том, что тогда возникает очень простой вопрос: а что же, Достоевский не менялся, не развивался вообще, что, он остался таким, как был? То есть, если почвенничество — то это эпоха «Времени». А ведь все-таки «Братья Карамазовы», «Дневник писателя» — это совсем другой уже период. И, кстати сказать, идея почвенничества была преодолена Достоевским еще в «Записках из Мертвого Дома», на самом деле, потому что в «Записках из Мертвого Дома» Достоевский уже показал, что мы-то, может быть, и хотели бы стать для народа товарищами, но он никогда нас не признает за таковых. А в «Братьях Карамазовых» уже совершенно другая проблематика, проблематика, которая выражена как раз в заглавии этого романа — «Братья Карамазовы». И неслучайно весь роман написан о том, какие они братья, могут ли они быть братьями, хорошие ли они братья друг другу. И в конце Алеша говорит: «Я сейчас с моими братьями, один из которых идет в ссылку, а другой при смерти». Поскольку разговор очень короткий, то можно только вспомнить о начале романа, которое тоже посвящено описанию этой «семей-

ки», всех этих братьев — и потом вспомнить конец романа. А роман ведь кончается не так, как иногда американцы говорят. Знаете, от американских исследователей я слышал: «А Вы знаете, чем заканчивается роман “Братья Карамазовы”?». Я говорю: «Нет, не знаю». Они говорят: «Ну, там Дмитрий Карамазов бежит в Америку». Но роман «Братья Карамазовы» заканчивается, как известно, речью у камня, в которой опять-таки звучит мысль о семье, о братстве, и, между прочим, это центральная мысль «русского социализма», как его определял Достоевский, то есть, на самом деле социального христианства, течения, которое Достоевскому было очень близко, с которым он находился в очень тесном диалоге. Именно из социального христианства, то есть из «Слов верующего» Ламенне, именно оттуда происходит и «Легенда о Великом инквизиторе», самый ближайший источник находится там. И, между прочим, Ламенне за эту свою книгу, которая выдержала огромное количество изданий и в которой он как раз выразил мысль о том, что церковь исказила нам подлинного Христа, и за эту мысль он был отлучен от церкви. Возвращаясь к «Братьям Карамазовым» — вспомним мемуары Починковской, что она говорит, когда вспоминает, как заговорила с писателем о «Записках из подполья»? Что Достоевский ей сказал в ответ: «Это слишком мрачно. Это уже для меня — сказал он по-немецки — преодоленный пункт. Я теперь могу написать что-то более светлое, примиряющее». И вот это более светлое, примиряющее он написал в «Сне смешного человека» и в «Братьях Карамазовых». Написал, несмотря на то, что, как и роман «Идиот», роман «Братья Карамазовы» был написан вскоре после смерти ребенка. И на сей раз уже практически самым смертельно больным писателем, который, в сущности, создавая этот роман и надорвался. Потому что написать такой роман, будучи уже совсем больным человеком, написать такой роман, которого он за 3 года написал два тома и за 2 года его напечатал. Конечно же, это был подвиг, который он совершил для того, чтобы, как сам это определял, «высказаться всему». И он это сделал. И поэтому, когда мы смотрим этот музей, то мне кажется, самое главное — чтобы у нас оставалось в памяти вот это все, и чтобы оставалось в сердце то светлое впечатление, какое производит этот замечательный роман. И мне кажется, что то, что сделано уже, в целом не противоречит такому впечатлению. А дальше можно это все развивать и совершенствовать сколько угодно. Спасибо большое за внимание.

И я хотел бы предоставить, с вашего позволения, слово Людмиле Ивановне Сараскиной, которая с нами онлайн и которая тоже собиралась говорить о поэме Ивана Карамазова «Великий Инквизитор». Пожалуйста, Людмила Ивановна.

Л.И. Сараскина: Спасибо, Сергей Акимович! Коллеги, спасибо большое. Я, к сожалению, два последних года не была в Старой Руссе, но пребываю всей душой с этим прекрасным городом, с этим замечательным музеем. И я надеюсь рано или поздно увидеть новую экспозицию.

Однако хочу поделиться другим запомнившимся музейным впечатлением. Несколько лет тому назад в рамках «Достоевских чтений» в Петербурге мне удалось побывать в Ораниенбауме, в крепости «Петерштадт», которая была построена для великого князя Петра Федоровича, будущего императора Петра III. Это, несомненно, уникальный музей — хотя бы потому, что Дворец Петра III не пострадал во время Великой Отечественной войны и предстает ныне в своем первоизданном виде. И вот мы большой группой достоевцев осматривали Дворец и в какой-то момент спросили у экскурсовода, симпатичной молодой девушки, насчет печальной судьбы и гибели Петра III. Экскурсовод придерживалась распространенной версии насильственной смерти императора, но прокомментировала ее так: «Ну, а что было Екатерине делать, она должна была от него освободиться, он ей мешал, и она его, конечно, приказала убить».

«О-хо-хо», — подумала я тогда. Ничего себе высказывание! Значит, если кто-то мешает власти — так иди и убей. Музейщица, видимо, не отдавала себе отчет в том, о чем говорит. И я с тех пор нечто такое поняла про музейные экспозиции и про сами музеи. Здесь, в Ораниенбауме, все было на самом высоком уровне. Дворец Петра III работы Антонио Ринальди в стиле рококо — образец утонченности и изыска, одно из самых совершенных произведений архитектуры XVIII века. Прекрасное место для общения посетителей.

На нашем Круглом столе выступали специалисты своего дела и говорили очень грамотно, квалифицированно — о том, что и где должно стоять в Музее романа «Братья Карамазовы», какие предметы типологические, какие новоделы, каково оптимальное их сочетание. Это все правильно, наверное. Но я поняла, что главное все же в тех разговорах, в тех мыслях, которые возникают во время осмотра этой экспозиции, когда ты проходишь по залам — или одна, или

с кем-то, или группой. О чем ты говоришь, о чем ты думаешь. Тогда в Ораниенбауме нам захотелось порассуждать о праве на убийство, о праве на власть, о том, как сосуществуют два этих права. А главное: могла ли Екатерина действовать как-то иначе, без устранения своего мужа, который «мешал». Ведь «темное пятно» на биографии великой государыни Екатерины II осталось навсегда. Там, во Дворце Петра III, разгорелась горячая дискуссия, и наша славная экскурсовод совершенно не смогла ни поддержать беседу, ни понять наши сомнения, ни обосновать свою точку зрения.

В общем, мне кажется, что, когда ходишь по музею, главное то, какие чувства и мысли возникают, то, о чем ты хочешь думать, что хочешь обсуждать. Тут я плавно перехожу к теме Великого Инквизитора, которого считаю главным героем романа «Братья Карамазовы»; замечу — не братьев, не их отца, не всех их женщин, а его, вымышленного персонажа поэмы Ивана Карамазова, который, в свою очередь — вымышленный персонаж романа Достоевского.

Как его показать в экспозиции? Конечно, можно вспомнить о возможных прототипах — об основателе испанской инквизиции, первом великом инквизиторе Испании, молоте еретиков, «черной легенде» Кастилии и Валенсии, Арагона и Каталонии, грозном фанатике Томасе де Торквемаде. Можно вспомнить и о Бернардо Ги — Бернардусе Гвидонисе, французском монахе-доминиканце, беспощадном борце с ересями, авторе «Наставлений инквизиторам», вынесшем 636 обвинительных приговоров, из которых 42 — к сожжению на костре. Были и десятки других свирепых инквизиторов Европы. Можно вспомнить и о рисунках художников, иллюстраторов романа, с изображениями Великого Инквизитора.

Но что можно видеть в Великом Инквизиторе дня сегодняшнего? Кто (или что) отбирает нынче нашу свободу, кому (или чему) мы сами готовы свою свободу отдать, подарить, продать? Но почему? За какие коврижки? «За какое чечевичное варево продали вы им вашу свободу!» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 263], — восклицает Степан Трофимович Верховенский, слыша, как, заговорив языком примитивного нигилизма, заученно повторяет Варвара Петровна Ставрогина «извержения чужих слов» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 264].

Вот о чем стоит думать, о чем стоит говорить.

И я спрашиваю себя: кто он такой нынче, Томас де Торквемада? Боимся ли мы Бернардо Ги? Нет, мы не боимся ни Торквемаду, ни

Бернардуса Гвидониса, ни его «Наставлений». Никого из них мы не боимся.

Про эту нашу боязнь, про эти наши страхи рассуждает крайне неприятный персонаж «Бесов» Петр Степанович Верховенский. «Самая главная сила — цемент, всё связующий, — это стыд собственного мнения. Вот это так сила!» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 298–299], — внушает он Ставрогину.

Стыд собственного мнения, боязнь обнаружить свои взгляды на злобу дня, страх оказаться не в тренде, не в струе, неполиткорректно засветиться, — вот он сегодня кто, наш Великий Инквизитор. Это он сдерживает нашу свободу, тормозит ее, ставит ей преграды. И мы идем у него на поводу. Так или иначе мы отдаем эту свободу за «коврижки», за похлебку, за безмятежность.

А Достоевский не боялся злобы дня, он сам ее создавал, ставя колючие, неудобные вопросы, говорил и писал поперек потока, взрывал политкорректные тренды, нарывался на неприятности и повсеместную ругань, сильно рисковал.

Провидческие романы Достоевского и его громовая публицистика ставят нас, его читателей и исследователей, перед выбором: находиться в гуще его смыслов (многие из них действительно могут показаться сегодня очень, очень неудобными) или скользить по периметру проблематики, стараясь не касаться спорного; обходить стороной рискованное, то, что «на грани» и «за гранью».

Уместно озадачиться вопросом: корректно ли актуализировать сочинения Достоевского, применяя их к ситуациям сегодняшнего дня? Уместно ли видеть в них не метафору, а реальное, близкое нам содержание?

Приведу только некоторые из тем, где «стыд собственного мнения» стоит на страже интересов политкорректности.

Иван Карамазов, пытаясь спасти Дмитрия от неизбежной каторги, предлагает ему бежать в Америку и готов финансово обеспечить побег. Дмитрий категорически не принимает план брата. Америка для него — это не способ избежать наказания, это способ заменить одно наказание другим, одно зло другим злом. «Если я и убегу, даже с деньгами и паспортом и даже в Америку, то меня еще ободряет та мысль, что не на радость убегу, не на счастье, а во истину на другую каторгу, не хуже, может быть, этой! <...> я эту Америку, черт ее дери, уже теперь ненавижу. <...> Россию люблю, Алексей, русского Бога люблю, хоть я сам и подлец! Да я там

издохну!» [Достоевский, 1972–1990, т. 15, с. 186], — убеждает от младшего брата.

Герои Достоевского воспринимают Америку как символ вредной утопии, как черную дыру, куда скрываются от закона, как край света, куда бегут с чужими деньгами и где никто не спрашивает о привезенных капиталах, как место, где человека не ищут и где он никогда не станет своим. Русский человек, бежавший из России, залетевший в Америку и оставшийся там навсегда, определенно потерян для Отечества.

Так считал Достоевский. А как считают сегодня новые русские скитальцы? Как сегодня работает антиамериканизм Достоевского и его героев?

В октябре 1870 года в письме к А.Н. Майкову Ф.М. вспоминал о Крымской кампании и отношению к ней отечественных либералов и западников, которые откровенно радовались поражению русской армии: «Нет, мой либерализм не доходил до этого; я был тогда еще в каторге и не радовался успеху союзников, а вместе с прочими товарищами моими, несчастенькими и солдатиками, ощутил себя русским, желал успеха оружию русскому и <...> не считал себя нелогичным, ощущая себя русским» [Достоевский, 1972–1990, т. 29, с. 145].

Что сегодня происходит с патриотическим чувством, с ощущением русскости, особенно по части принадлежности Крыма? Многим приходится сейчас публично отвечать на вопрос: «Чей Крым?» Как проявляется в ответах «стыд собственного мнения»? я вспоминаю недавнее интервью замечательного артиста Александра Ширвиндта украинскому журналисту, спросившего: «Так чей Крым?» Ширвиндт ответил: «Крым мой». Но сколько известных людей, стараясь не нарушить планы гастрольных поездок, избегают прямых ответов!

Вообще обсуждение острых публицистических тем, таких, как «Достоевский и славянство», «Россия и Запад», которое так или иначе вынудит выйти за флажки литературоведения и оказаться в опасной зоне актуальной политики, может наткнуться на сторожа-инквизитора и устраситься прямого цитирования о братьях славянах, которые при удобном случае воткнут России нож в спину.

А есть еще еврейский вопрос, польский вопрос, вопрос отношения к власти, вопрос о «крови по совести» и об убийственных практиках современных Раскольниковых, которых уж точно никто не стремится героизировать.

Готовы ли мы честно, открыто, публично обсуждать эти и десятки других взрывающихся вопросов — в том числе и на территории наших любимых музеев? Ведь, например, старорусские конференции уже много лет проходят под девизом «Достоевский и современность».

Так должна ли современность врываться в конференц-залы, в залы музейных экспозиций, в программы научных дискуссий? Должны ли мы нарушать табу на политику и публицистику, которые на конференциях принято третировать, презирать, полагая их занятиями почти что неприличными?

Но ведь Достоевский горел публицистикой, в том числе и политической, самой что ни на есть злободневной. И не только он сам, но часто и герои его романов.

Как при этом не превратить интеллектуальное научное общение на достоевские темы в митинги и демонстрации, в профанную болтовню пикейных жилетов?

Говоря о Музеях Достоевского и их замечательных экспозициях, которые посещают и знатоки, и любители, я думаю прежде всего об этих вопросах, о возможности честного и публичного их обсуждения.

Или нам всем остается — кому улица, кому кухня?

С.А. Кибальник: Большое спасибо, Людмила Ивановна. Дорогие коллеги, у нас есть еще записавшиеся для выступления. Вот Ольга Алексеевна Деханова записалась.

О. А. Деханова: Я, наверное, не скажу ничего принципиально нового, потому что я разделяю полностью все сказанное Татьяной Александровной и Ольгой Юрьевой. Да. Безусловно, любое явление не может восприниматься всеми одинаково. Всегда что-то кому-то нравится, что-то кому-то не нравится. Здесь нужно выбрать меру. Но, насколько я поняла во время сегодняшней экскурсии, многое нравится практически всем. Правильна избранная концепция света. Правильно, что в самом начале задается алгоритм и даже ритм восприятия. Правильно, что у этих манекенов нет лиц, потому что, действительно, не надо диктовать, кто как выглядел. Прекрасна совершенно экскурсия, которая ведет через это. Даже минимизация предметов старины, она тоже правильна, когда даны буквально 2–3 штриха, что это XIX век, а дальше тот, кому именно это интересно, может пойти в Дом-музей Достоевского и насладиться эпохой и историей. И здесь я прежде всего хочу сказать, что очень хорошо,

что эти два музея такие разные. Было бы странно, чтобы два музея, находящиеся на одной улице, повторяли ритм и атмосферу друг друга. Безусловно, не хватает цитат. Не хватает цитат, потому что, конечно, лежащая в каждой комнате книжка, как Юлия Вячеславовна сказала, это прекрасно. Но люди действительно сейчас очень мало читают, особенно на бумажном носителе. Поэтому какие-то реперные цитаты, которые вводят в атмосферу, дают понять, почему вообще этот роман написан, что, собственно, в этом романе главное, какова его связь с Россией, с эпохой, в которой происходит действие, — да, они, безусловно, важны и нужны. Еще хочу сказать — и мы это обсуждали непосредственно перед круглым столом в научном отделе — что единственное, что вызывает оторопь, это, к сожалению, комната трактира. Дело в том, что я понимаю концепцию автора: экспозиция начинается, первая комната, ты проходишь, ты понимаешь, ты начинаешь воспринимать это движение как единое повествование. И вдруг ты попадаешь в место, где само понятие «трактир» конфликтует с этой нейтральной зоной. Трактир таким быть не может. Это выбивает из повествования. И мы обсуждали, что достаточно сложно найти окраску этого помещения, чтобы, с одной стороны, она не выпадала из общей гаммы экспозиции, но в то же время отражала особенности этого места. Дальше вот, к сожалению, в экспозиции идея «Великого инквизитора» не отражена хотя бы каким-то образом. Я не знаю, насколько уместно и, вообще, каким образом можно было бы ее вместить в эту ужасную комнатку трактира.

С.Л. Шараков (реплика из зала): Там какой-то мужик, даже не напоминающий...

Ю.В. Юхнович (реплика из зала): Там рисунки Непомнящего...

О.А. Деханова: Ой, вы знаете, и рисунки Непомнящего — я полностью согласна с Валентиной, потому что если человек в первый раз входит и их видит, создается полное ощущение, что на них везде абсолютно одно и то же лицо. У них у всех одинаковые глаза, и с первого взгляда невозможно понять — это мужчина или женщина. И этот ряд картин, ну, я не знаю, очень хочется их чем-то заменить просто. Но я ясно вижу, что проблема, из-за которой мы здесь сегодня собрались, это не проблема вообще. Это рабочая ситуация, в которой требуются какие-то конкретные, в общем, вполне решаемые усилия. И самое главное — это каким-то образом преобразовать трактир, чтобы он не выпадал из целого. И, более того, — чтобы каким-то образом непременно вписать в экспозицию «Великого инквизито-

ра», потому что молодое поколение в значительной своей части не читает на бумажных носителях, и если слово «Великий инквизитор» у него остается где-то за кадром — то оно не поймет и упустит смысл одной из главных стержневых линий романа. Поэтому я искренне благодарна за то, что в Старой Руссе появился принципиально новый музей. Я искренне уверена, что такие вот недоделки будут устранены, и верные технические решения будут непременно найдены. И вообще, спасибо, что тут это есть. Огромное спасибо.

С.А. Кибальник: Спасибо, Ольга Алексеевна.

<...>

С.А. Кибальник: Коллеги, у нас еще осталось 10 минут. Да, пожалуйста, Константин Абрекович.

К.А. Баршт: Дорогие коллеги, я хотел бы все-таки от общих рассуждений о романе «Братья Карамазовы», который всех нас волнует по-разному, вернуться к музею. В том, что мы слышали сегодня, было немало здравых, полезных мыслей. В частности, что опорой для строительства топографической темы музея является сама Старая Русса. Это совершенно очевидная вещь. Эта мысль прозвучала буквально во всех выступлениях. Второе, это то, что нельзя заслонять Достоевского ничем, ни очень хорошим художником Непомнящим, ни еще чем-то, обилием мебели, например. Роман «Братья Карамазовы» написан, он существует, мы его можем читать. И заменять экспозицию Музея романа «Братья Карамазовы» ничем не нужно, и иллюстрировать экспозицию также не нужно. Есть реальность, окружавшая Достоевского, в частности, та же самая Старая Русса, Россия в целом, да вообще, весь мир, есть книги, которые он читал, впитывал оттуда какие-то идеи, затем использовал их в своем произведении, были встречи с людьми, с которыми он обсуждал свой замысел, которых он видел воочию и которые также влияли на создание этого произведения. Вот эта вся «плоть» творческой истории романа «Братья Карамазовы», которая не должна заменять для нас роман «Братья Карамазовы» ни в коем случае, но должна образовывать смысловое пространство, наполненное знаками музейных экспонатов, которые восстанавливают творческий процесс Достоевского, путь, который привел его к созданию романа. Это единственное, чего лишены читатели романа «Братья Карамазовы», и главное, что должен им дать музей. Сердцевину его творческого процесса. Они знают результат, и тем более важно знать, какой путь прошел к нему писатель. Это главная задача музея. Что касается

экскурсовода, очень многие говорили, о том, что, вот, мол, когда все держится на экскурсоводе, это и хорошо, и плохо. И сходились на том, что основа — экскурсовод. Хочу напомнить, что перед тем, как стать доктором филологических наук и профессором, я 14 лет проработал экскурсоводом в петербургском музее Достоевского. Знаю, что называется, не понаслышке, как важен уровень этой работы для успеха музея. И потому хочу сказать, что когда начинаются разговоры, что, вот, давайте всё это свалим все на экскурсовода, это просто означает, что экспозиция работает плохо или совсем не работает. Экскурсовод, конечно, должен быть талантливым, хорошим исполнителем. Такие кадры надо специально обучать. Это всем понятно, это, можно сказать, банальность. Однако экспозиция первична, и она должна работать и с экскурсоводом, и без экскурсовода. Это совершенно необходимая вещь, говорю это как старый музейщик. В экспозиции музея «Братья Карамазовы» сюжет романа «Братья Карамазовы» должен по своему смыслу совпадать с сюжетом экспозиции Музея романа «Братья Карамазовы», в смысле тождественности их обоих творческому процессу Достоевского. Вот что должно быть в центре нашего внимания. А когда у нас нет ничего, что указывало бы на события творческого процесса писателя, нет экспонатов, объясняющих, как создавалось произведение, мы, конечно, можем заполнить пространство мебелью, формируя нечто вроде «квартиры героев романа “Братья Карамазовы”». Не буду развивать эту тему, но считаю, что мы оказываем дурную услугу Музею «Братьев Карамазовых», не пытаясь его критиковать. От нашей критики сегодня зависит, какой он будет завтра. Все мы желаем, чтобы он стал лучше, именно потому, что мы очень любим и Достоевского, и Старую Руссу, ценим и уважаем сотрудников этого музея, которые героически несут свою культурную вахту. Вот именно поэтому и нужно критиковать нынешнюю экспозицию, помогая ликвидировать сделанные ошибки, и ошибки, которые могут быть сделаны в будущем. И искать способ, каким можно выстроить предметно-информационный ряд, который показывал бы творческий процесс Достоевского, приведший к созданию шедевра. Вот основная мысль. Спасибо.

Т.А. Касаткина: Если больше никого нет желающих, я хочу сказать, что центр и структура «Братьев Карамазовых» — это **разговор русских мальчиков**. И Достоевский, собственно, этот роман для того и писал, чтобы русские мальчики не прекращали разговаривать.

А что касается «творческого процесса», у нас уже есть ряд музеев Достоевского, которые его «восстанавливают» — и восстанавливают, ну, довольно проблематично, прямо скажем. Потому что невозможно собрать и представить экскурсанту, как рекомендует Константин Абрекович, **все** книги, которые Достоевский читал на пути к «Братьям Карамазовым» (у меня даже возникло впечатление, что под словом «все» Константин Абрекович странным образом имеет в виду всего несколько) — мы их и сами далеко не знаем **все**, у нас нет полного описания огромной библиотеки Достоевского, разоренной его пасынком, мы редко знаем, что и когда он читал за границей, ну и так далее — а давать образ нескольких книг, «наиболее влиявших на процесс» по мнению того или другого исследователя — значит заведомо исказить истину, предлагать читателю заведомо ложную картину. А ведь в «Братья Карамазовы» Достоевский вкладывает полный итог своих впечатлений — и жизненных, и читательских — и как все это предлагается отразить в экспозиции? Мне кажется, это ложно поставленная цель, исходящая из ложного нашего впечатления о том, что мы хоть немного представляем себе и можем «воссоздать» творческий процесс гения — но мы не можем, если только не опираемся очень основательно на то, что он нам сам об этом процессе сообщает. А Достоевский, говоря о творческом процессе, говорит не о прочитанных книгах и не о впечатлениях окружающего мира — а об алмазе, извлекаемом из копей души писателя.

Я солидарна с Ольгой Юрьевной в том, что я и сама не слишком люблю литературные музеи. Дом-музей, который также есть в Старой Руссе, — это прекрасный музей, хотя, опять-таки, и он настоятельно нуждается в присутствии экскурсовода — но там экскурсовод действительно легко заменим аудиогидом. На самом деле, Достоевский весь о ЧЕЛОВЕКЕ. И говорить, что, вот, давайте разложим вещи, пускай их все сами воспринимают, как хотят, потому что кому-то именно это надо — ощутить эпоху, увидеть вещь великого человека — это именно в случае Достоевского ложный путь — даже в доме-музее, который оживает, когда экскурсовод показывает, как эта старая вещь впитала в себя человеческие отношения — и именно это вовлекает и волнует, иногда до слез, посетителей.

На «литературную экспозицию» сюда придет 2 человека за год, потому что подобное они уже видели тысячу раз. А вот на разговор русских мальчиков, на воспроизведение того, что создает этот вот центральный даже не стержень, а вихрь романа, в котором все и всё

вовлекается в постоянное со-общение, в постоянную, непрерывную беседу, в постоянный спор о том, что же мы, люди, все-таки, такое, куда и зачем мы идем, и каким образом мы туда можем прийти, — на это многие придут. И это и есть суть романа и, главное, — цель его автора. Не надо делать из романа что-то застывшее, оконченное, к которому вели такие-то книги, в котором отразились такие-то «реалии», потому что не за это его читают и не для демонстрации этого существует музей романа. Музей романа в том виде, в каком он возник здесь, существует, чтобы вовлечь человека в ту кипящую проблематику, которую Достоевский в этом романе создает. Спасибо.

А.П. Власкин: я совсем в формате реплики. Вдохновился я (я не хотел выступать вообще), вдохновился Константином Абрековичем, тем, что он сказал. Ну и потом, помните, из «Братьев Карамазовых»: «Должен же кто-то правду сказать»? Так вот, правда моя вот в чем: а зачем два музея в таком маленьком городе как Старая Русса? Зачем здесь два музея? Это мертворожденная идея, мне кажется. Понимаете, есть прекрасный музей Достоевского в его доме. Ну, хотите вы новый формат музея литературного — ну, сделайте **его** музеем «Братьев Карамазовых». Но зачем два музея в Старой Руссе? Это не надо вообще. Понимаете, это все словоблудие вокруг того, что этот музей такой, а этот такой, чтобы сделать вид, что он нужен. «Люди будут ходить, узнавать роман “Братья Карамазовы”». А роман надо читать просто.

С.А. Кибальник: Вы что, хотите сказать, что мы тут все занимаемся словоблудием?

А.П. Власкин: Нет-нет, но выглядит так. Вот мне захотелось кинуть эту реплику. Подумайте сами и решите, кто прав, кто не прав.

С.Л. Шараков: По поводу словоблудия, Александр Петрович. Слово практика. Я уже третий год работаю на экскурсии. И мне ни разу в голову не приходило спросить, почему здесь два музея. Могу сказать вот что. Еще раз говорю, я третий год работаю. Вот о чем говорил Владимир Николаевич, ведь я показывал экспозицию Владимиру Николаевичу, когда еще музей не начал работать. У меня было резко негативное отношение к музею, к тому, как он сделан, резко негативное. Но потом я начал работать. И вот я что хочу сказать. Музей, дом, где жил Федор Михайлович, там экспозиция сделана очень талантливо, она замечательная экспозиция. Работать в ней радостно. Радостно, потому что все, что там есть, все работает на экскурсию. С одной стороны, а с другой стороны, вот, Павел Евгеньевич сказал

замечательные слова: «Давайте пожалеем экскурсоводов». Вопрос не в жалости к экскурсоводам, потому что есть очень широкий такой, «многолюдный» тип людей, которым экскурсовод не нужен в принципе. Они приходят в музей и говорят: «Нам не нужен экскурсовод, мы хотим походить, мы хотим прикоснуться». И тот музей работает на 100 процентов в таком режиме. А этот музей — он другой. И когда я начал работать, вы знаете, что я ведь один и тот же, что там, что здесь. Но там люди радостные, с радостью выходят. А здесь — они выходят отсюда, я не преувеличиваю, потрясенные. Потому что это фантастический текст Достоевского. И потому что музей экскурсоводу, может быть, мог и получше помочь, но он, по крайней мере, не мешает. Вот и что хочу сказать, мы можем там спорить: семья, не семья. Но я уже опытом почувствовал, что комнаты сделаны точно. У меня никогда не возникало ощущения, что эта комната не нужна, что она не работает. Все работает, и когда люди выходят после кельи — у них полное представление о романе «Братья Карамазовы». Потому что мы, получается, идем через героев, а потом у нас трактир и келья. Самые «ударные» комнаты. Знаете, что люди говорят? (Вот там, в другом музее, они так не говорят.) Они говорят: «А почему это по телевизору не показывают?». Так как же такой музей не нужен? и вот я бы еще хотел объединить Константина Абрековича и Татьяну Александровну. Татьяна Александровна, Вы правильно говорите, я согласен, это диалог, но это работа экскурсовода. Но вот опять же, приходят люди, которым, ну, не нужен экскурсовод. В этом плане композиция молчит. Для одиночки, который сюда пришел, она молчит. Понимаете, и у нас проблема. Проблема у музейщиков. В этом музее работать гораздо труднее, нежели в Доме Достоевского. Гораздо труднее. Но результаты другие. Этот музей выше в чем-то, это просто другой уровень. Потому что «Карамазовы» — это не только разговор о России, о Старой Руссе. Это разговор о человеке, который жил 2000 лет назад — и сейчас живет. И люди, по большому счету, сюда, знаете, за чем идут? Не посмотреть картинку (и это идут посмотреть), но внутри у них запрос: «Ты со мной поговори». Потому что запрос этот вечный. Мы говорим «для детей, для детей, для детей» — да, для детей, но взрослые-то — тоже дети. Ему 40 лет. Он прожил, а он не знает, как дальше жить. И вот с ним начинаешь в диалог вступать. А у него это живет, он когда слушает. Есть даже такие вещи: когда там вот комната мальчиков, я там рассказываю про мужика Маррея и про каторгу Достоевского, у людей даже слезы,

бывает, текут. И понимаешь, что это внутри у него что-то происходит, а не потому что он такой впечатлительный. Но, конечно, впечатлительный. Тут это все работает. Поэтому, вот, замечательное это действие, это обсуждение, хорошо, если бы оно произошло несколько лет назад. Но хорошо, что сейчас это происходит. Вот это очень здорово. Потому что экспозиция, я согласен с Константином Абрековичем, она должна заговорить для одиночного посетителя. Потому что у нас здесь есть замечательная книга отзывов, и когда реакция на экскурсоводов, ну, за редким исключением кому-то не понравилось, — девяноста процентам там все нравится. А у одиночного посетителя очень часто реакция такая: «Я не понял, куда я пришел». Вот если бы нам ее подделать, доделать в этом плане, чтобы и для одиночного посетителя. Но вот будет уже скоро путеводитель, будет аудиогид. Наверное, это как-то заработает. Спасибо.

С.А. Кибальник: Коллеги, после того, что сказал Сергей Леонидович, можно уже ничего особенно не говорить. Поэтому скажу только, что я вот думаю, что если бы Владимир Николаевич побывал здесь, на экскурсии, а не онлайн лишь участвовал, то ему бы музей понравился больше и произвел бы на него немножко другое впечатление. Вот Игорь Леонидович Волгин очень любит цитировать слова Томаса Манна: «Достоевский, но в меру». Я вот думаю, что «достоевщины» нужно в меру, а Достоевского можно сколько угодно. И музеев Достоевского тоже можно больше, хороших и разных. Большое спасибо.

Список литературы

1. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

References

1. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [Complete Works: in 30 vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 11.09.2021
Одобрена после рецензирования 16.10.2021
Принята к публикации 18.10.2021
Дата публикации: 25.12.2021

The article was submitted 11 Aug. 2021
Approved after reviewing 16 Oct. 2021
Accepted for publication 18 Oct. 2021
Date of publication: 25 Dec. 2021

*Общий вид комнаты. Проекция с иллюстрациями В.Л. Непомнящего
General view of the room. Projection with illustrations by V.L. Nepomnyashchy*

*Гостиная Ф.П. Карамазова. Общий вид
Fyodor Pavlovich Karatazov's living room. General view*

